

DOI: <https://doi.org/10.60797/IRJ.2024.150.20>

ОБРАЗЫ КУБАНСКИХ КАЗАКОВ В РАССКАЗАХ Н. Н. КАНИВЕЦКОГО

Научная статья

Лебединская В.Г.^{1,*}

¹ ORCID : 0000-0001-8815-0545;

¹ Кубанский государственный университет, Краснодар, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор (v.lebedinskaya2012[at]yandex.ru)

Аннотация

Большая часть литературного творчества кубанского писателя Н.Н. Канивецкого, за прошедшие сто лет почти забытого, посвящена казакам и их трудной жизни на кордоне.

Образы казаков очень выразительные, выписаны детально. Особенно удачны образы казаков среднего возраста и уже пожилых. Это люди, за плечами которых история из жизни, они наставляют молодых. Суть казака заключается в его неразрывной связи с землей, станицей, станичниками, в его воинской службе по охране русской земли. В этой тяжелой, полной часто опасности жизни часто находится место и юмору. Кубанский юмор в рассказах яркий, сочный, выразительный, иногда граничащий с трагическим. Описываемые ситуации также бывают настолько просты, что это еще более сближает героев рассказов с настоящей жизнью.

Ключевые слова: Н.Н. Канивецкий, образ, кубанские казаки, кубанская балачка, кордон, юмор, анекдотичность ситуации.

IMAGES OF KUBAN COSSACKS IN N. N. KANIVETSKY'S STORIES

Research article

Lebedinskaya V.G.^{1,*}

¹ ORCID : 0000-0001-8815-0545;

¹ Kuban State University, Krasnodar, Russian Federation

* Corresponding author (v.lebedinskaya2012[at]yandex.ru)

Abstract

Most of the literary work of the Kuban writer N.N. Kanivetsky, almost forgotten for the past hundred years, is devoted to the Cossacks and their difficult life on the cordon.

The images of the Cossacks are very expressive and detailed. The characters of middle-aged and elderly Cossacks are especially successful. They are people who have a life story behind them, they mentor the young. The essence of a Cossack lies in his inseparable connection with the land, the stanitsa, stanichniki, in his military service to protect the Russian land. In this hard and often dangerous life, there is often a place for humour. Kuban humour in the stories is bright, juicy, expressive, sometimes bordering on the tragic. The situations described are also so simple that it brings the heroes of the stories even closer to real life.

Keywords: N.N. Kanivetsky, image, Kuban Cossacks, Kuban balachka, cordon, humour, anecdotal situation.

Введение

Талант самобытного кубанского писателя Н.Н. Канивецкого (1857-1911) признавал сам А.П. Чехов. Упоминание об этом есть в одном из июльских выпусков газеты «Кубанские областные ведомости» за 1904 г. [11]. К сожалению, творчество Николая Николаевича было забыто на целый век. Известный кубанский историк, писатель, краевед Виталий Бардадым, собиравший по крупицам сведения о писателе, нашел в одном из номеров газеты «Новое время» за 1900 г. небольшую статью о творчестве писателя, автором которой был Вл. Ж. [1, С. 185]. Последний с восхищением писал о коротких рассказах Н.Н. Канивецкого. Именно благодаря В. Бардадыму в 1993 г. вышел сборник рассказов кубанского писателя «На вершок от счастья». В данном издании была небольшая статья В. Бардадыма о жизни и творчестве Николая Николаевича, которую можно обозначить пока как единственную. Далее вспомнили о Н.Н. Канивецком в 2023 г. В Краснодарском театре драмы прошли постановки по некоторым рассказам писателя.

Целью нашей статьи является описание представленных в рассказах Н.Н. Канивецкого образов кубанских казаков. Основное внимание мы уделяем рассказам «Лемишка», «Кондрабандный чай» и «На кладбище». В этих рассказах представлены как обычные, встречающиеся часто среди казаков герои (атаман Горобец и другие), так и не совсем понятые среди казаков, «одиночки» (Лемишка, дед Охрим). Среди задач исследования следующие: анализ сюжета произведения, анализ образов персонажей, анализ художественных деталей и авторских приемов. Все это в комплексе помогает описанию образов кубанских казаков в рассказах Н.Н. Канивецкого. Писатель раскрывает образы кубанцев через сами ситуации, в которые попадают герои, что придает последним еще большую жизненную правдивость. Основным методом, используемым нами, является литературоведческий анализ.

Основные результаты

Н.Н. Канивецкого не зря называют «казачьим Чеховым» [10]. Значительная часть его творчества посвящена жизни кубанских казаков. Характеры казаков очерчены им с поразительной правдивостью, жизненной достоверностью,

простотой, иногда даже анекдотичностью, сближающей образ с настоящей жизнью. У Н.Н. Канивецкого уникальное чувство юмора, в некоторых случаях пробивающееся сквозь слезы [1], [9]. Писатель умеет взять из жизни деталь, схватить что-то заурядное и создать поразительно точное и талантливое произведение. Диалоги в рассказах Н.Н. Канивецкого строятся на кубанской балачке. Балачка – уникальное явление в русском языке; это говор, появившийся на стыке говоров и в результате их взаимодействия. Вследствие уникальности и собственной цельности балачки из диалогов героев в рассказах Н.Н. Канивецкого нельзя выделять какие-то отдельные слова. Подчеркнем, что это именно цельный самодостаточный говор, который заслуживает своего отдельного лингвистического описания. Речь казаков на балачке еще больше приближает героев рассказов к реальной жизни.

Образы казаков прописаны детально, они проступают из истории их жизни, быта, нравов, тяжелых судеб.

Теперь уже никто и не вспомнит Лемишку из одноименного рассказа «Лемишка», на месте убогой хаты которого несколько десятков лет стоит большое здание с цинковой крышей, а сквозь «громадные стеклянные окна внутри виднеются роскошные магазины, залитые электричеством» [4, С. 94]. Образ Лемишки сродни образу тульского Левши: он стремится принести людям что-то новое, интересное, непривычное. На вид Лемишка был невзрачным казаком, «смушкарем», который шил и продавал на рынке шапки. Никто даже не знал его имени и отчества, хотя у казаков принято называть людей по имени и отчеству: «Все другие имели имя, отчество, он не имел. Он всегда был только Лемишка. Росту он был маленького, хром на одну ногу, кривой на один глаз, растительности на лице никакой, только на подбородке кой-где росли какие-то рыжие перья» [4, С. 81]. Однако Лемишка был совсем не обычным человеком: «Лемишка интересовался всем на свете, кроме шитья своих шапок. Когда на ярмарке он видел что-нибудь новое, то бросал и шапки, и прилавки, и подолгу разглядывал новинку...» [4, С. 81].

Тяга к новому знанию для Лемишки превращалась в страсть. Чтобы познать неведомое, он готов был отдать все имевшиеся у него деньги, время и силы.

Такой жаждущий новых знаний и очень наивный человек иногда оказывался в неприятных ситуациях. Увидев на ярмарке, как «профессор черной магии» вытаскивал деньги у публики отовсюду (из бороды, с плеч, из волос, из одежды), он потратил все семейные сбережения с этим «магом» в трактире, но секретам волшебства все-таки научился.

Лемишка так увлекался чем-то новым, что был готов ради нового знания связаться даже с «нечистым». Желая показать новое умение, он пошел в «духан» и проделал этот трюк там с бородой уже подвыпившего коваля Остапа Чуприны. Последний, увидев, что это из его бороды Лемишка достает деньги, стал требовать отдать ему все эти «гроши». Лемишку сильно избили за отказ отдавать деньги, и это помогло ему «излечиться» от пагубного увлечения.

Когда Лемишка поправился и поехал в Ростов, то там увидел работу кровельщиков, которые крыли крышу железом. Он загорелся новым делом, жадно впитывал от них новое знание. После обучения у кровельщиков купил железо и поехал домой перекрывать собственную крышу на хате: «так краше буде...». Подходившая к хате жена увидела, как Лемишка сбрасывает камыш с крыши своей хаты, и стала причитать. Крики жены и собравшаяся толпа насторожили квартального Завертайченко, который увел Лемишку, не дав доделать начатое.

Дело в том, что в маленьком городке, где они жили, было всего лишь несколько домов с железными крышами, поэтому местная власть мастера не одобрила, и железную крышу на собственной хате делать ему запретили: «Який це порядок, матери вашой чорт! Як ты смушкарь, то и ший шапки, як ты кушнирь – и доглядай кушнирьске дило. А це що таке: кушнирь столярську рошотку робе, а смушкарь зализом хату крые...» [4, С. 92].

Когда после задержания Лемишку отпустили домой с указанием сделать камышовую крышу, это был уже другой человек: «Воротившись домой, Лемишка не спал всю ночь. На вопросы Явдохи он не отвечал ни одного слова. Чувство обиды, чувство незаслуженного оскорбления мучительно отзывалось в его сердце. "За вищо?" – возникал вопрос в душе оскорбленного человека. "Що ж, що я Лемишка, що ж, що я смушкарь, – чоловік маленький? Хоть який горобец не маленький, а и той сердце мае... Ни, – чего не буде... Коли так – нехай непокрыта стоятимет... Хочь на споди буду лежаты, а не дам в вичи плюваты..."» [4, С. 92-93]. Это была форма настоящего протеста «маленького человека»: он и Явдоха жили теперь в хате без крыши.

«Высокое начальство» иногда интересовалось: «покрыл» ли Лемишка свою крышу, и ругалось на него: «Уперта свинья!». Лемишка не сдавался – сдалось начальство: в город собиралось приехать «высшее начальство» и по улице, где стоит хата без крыши, должен будет проехать чиновник. Улицам требовалось придать «приличную внешность и порядок»: «нехай зализом крые, абы скорийше». Через неделю хата Лемишки «была покрыта железом и отливала всякими колерами». «Маленький человек» Лемишка победил.

Многие образы казаков в рассказах Н. Канивецкого раскрываются на основе анекдотичности самой ситуации, простой, поэтому воспринимающейся еще более жизненно.

Присланное станичному правлению предписание о конфискации контрабандного чая в рассказе «Кондрабандный чай», который должны провезти через станицу, ввело в замешательство местных казаков, не знавших новых для них слов «контрабандный» и «конфисковать». Ими было предложено много вариантов, но все они не соответствовали действительности. Вскоре приехавший с чаем опытный в контрабандном деле купец Хваткин сразу понял, как ему выкрутиться в этой ситуации. Смысл его объяснений сводился к тому, что уважаемые купцом казаки смогут самостоятельно разобраться в том, хороший чай или плохой. Неопытный в бумажных делах атаман Герасим Охримович поверил мошеннику Хваткину: «Бачишь, у мене два Егория, да оцей шрам на лоби, це потому, що як дило до шашки касатимется, то Горобец знае, як треба службу шанувати, а як не Демидыч, то б не знав, що и дуже важко» [3, С. 35]. Купец угостил задержавших его по предписанию казаков чаем и водкой. Вердикт атамана и писаря Демидыча после «испития» чая был однозначный:

« – А що, Демидыч, чай як чай...»

– Тай мини здаетьця, що вин ще лучше того, що я в городи купував...» [3, С. 35].

После этого атаман Горобец послал городскому заседателю донесение, что контрабандный чай «конфисковали в сухом и в кипяченом виде со всех мешков и нашли его настоящим, а контрабандного чаю при нем не оказалось» [3, С. 36]. Развязка в рассказе, действительно, анекдотична. Она демонстрирует доверчивость, простоту, честность атамана Горобца перед обманом. Герой на поле брани оказывается беззащитен в мирной жизни, когда сталкивается с мошенничеством.

Рассказ «На кладбище» повествует об Охрине, бравом казаке, а теперь старике, жившем в старой хате на самом краю станицы. Охрим был знахарем, готовил разные травяные снадобья, совершал заговоры. Станичники опасались общаться со стариком, а хату его считали странной, особенной. Никто даже не догадывался о той тайне, которую хранил израненный в сражениях с «азиатами» храбрый казак. Уже долгие годы эта тайна не давала покоя Охриму. Свой тяжкий грех он искупал знахарством и добровольным одиночеством.

Охрим ни на один день не мог успокоиться из-за совершенного им еще в молодости убийства молодого хорунжего Гараша, «всегда отважного и горячего, всегда выносившего вперед сотни». Некоторые казаки тогда недоумевали, почему пуля в хорунжего вошла сзади, под левым плечом и пробила горячее сердце молодого казака, а другие решили: может и так войти «азиатская» пуля. Причиной такого греха Охрима была красавица Оксана, которую Гараш хотел отбить у него.

Душа Охрима всю жизнь не переставала болеть. В надежде как-то замолить грех он был на Соловках, в Почаевской лавре и на Афоне. После встречи со стариком-схимником в глухом монастыре за Вяткой Охрим стал помогать людскому горю знахарством: в результате его многолетних скитаний по свету и учебы у разных целителей он узнал многое. Однако и знахарство слабо помогало Охриму: он сам себя не мог простить за совершенный грех. В этом кроется главная причина трагедии Охрима. Раз оступившемуся, сошедшему с праведного пути богобоязненному Охриму была навсегда закрыта понятная всем казакам дорога жизни. К знахарям в народе всегда относились с опасением, думая, что они общаются с «темными силами». Охрим это понимал, но продолжал быть полезным людям таким образом. Имя Охрим переводится как «охранитель», и путь, указанный ему вятским старцем, помогал жить дальше.

В рассказах Н. Канивецкого, как и в жизни казаков, трагедия часто идет рядом с анекдотичностью самой ситуации. Это очень выразительный авторский прием писателя. Для того чтобы помочь одной из обратившихся к нему девушек приворожить нравившегося ей парня, старик должен был пойти ночью за кладбищенской землей, которая ему была нужна для соответствующего обряда. Когда Охрим пришел на одну из недавних могил за землей и «обратился» к почившему недавно Степану за разрешением взять немного земли с его могилы, случилось неожиданное. Под соседней вербой лег отдохнуть казак Степан Грищенко. Услышав слова Охрима и обращение к Степану, он подумал, что это с ним разговаривает «нечистая сила», и решил ее обмануть. Степан резко вскочил из-под вербы и закричал на все кладбище: «Не Степан я, а Микола я!» [5, С. 46]. Старое, измученное сердце Охрима не выдержало, и утром рядом с могилой недавно почившего Степана нашли тело деда Охрима.

Образы казаков в рассказах прописаны подробно, в деталях даны исчерпывающие характеристики. Будь то Петр Батог из рассказа «По станичному приговору» [7] или есаул Подкова из рассказа «На кордоне» [6].

Рядом с юмором всегда тяготы пограничной службы. Однако казакам к трудностям не привыкать, постоянная опасность на границе научила их терпеть любые сложности: «В занесенных снегом камышовых хатах ютятся люди. Бьет их летом комар, морозит ветер в дырявых мазанках, за каждым кустом ждет вражеская пуля, а они, никому не известные герои, беззаветно несут государеву службу, свято охраняя границы земли русской» [2, С. 48]. Постоянное чувство опасности на границе смягчило у казаков и отношение к смерти; последняя стала частью их воинской службы. Пожилой казак так наставляет молодых в рассказе «За варениками»: «А вы, хлопцы, памятайте, що хто на воини вмирає, той собі царство заробляє... Один раз мати вродила, один раз и вмирати... Як диди и батьки ваши робили, так и вы робить... Бережить славу козацькую, та про присягу усяк час не забувайте...» [2, С. 51]. Наставление старого казака Зозули проходит красной нитью через каждый рассказ о казаках у Н. Канивецкого.

Заключение

Образы казаков в рассказах Н. Канивецкого прописаны детально. Достигается такая точность через призму историй из их жизни, воинской службы, быта. Описываемые характеры очень разные: это и закаленный в боях герой, честный, прямой и доверчивый атаман Горобец, каких среди кубанских казаков всегда было очень много, и «маленький человек», талантливый умелец Лемишка. Атаман Горобец – типичный образ кубанского казака. Это смелый, отважный человек с открытой душой, готовый в любую минуту прийти на помощь и по-доброму посмеяться. Образы Лемишки и деда Охрима стоят несколько особняком, так как эти герои не совсем обычные, не совсем понятны в своей среде, станичники их считают странными и чужими. Любой настоящий казак всегда чувствует неразрывную связь со своими станичниками, своей землей, своей семьей. Этим не только силен казак, но и в этом его суть. Непростивший самого себя Охрим после долгих скитаний возвращается именно в родную станицу.

В рассказах Н.Н. Канивецкого с трагедией часто граничит юмор, а иногда даже анекдотичность описываемой ситуации. Это самый яркий авторский прием Н.Н. Канивецкого. Юмор сопровождает казака всегда: он сам любит шутить и любит посмеяться в компании с другими казаками. Образы кубанских казаков в рассказах Н.Н. Канивецкого чрезвычайно выразительны. Это достигается писателем также благодаря сюжетным особенностям рассказов. Сюжеты он не придумывал, а брал их из жизни, из разговоров со станичниками.

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование. Но рецензент или автор статьи предпочли не публиковать рецензию к этой статье в открытом доступе. Рецензия может быть предоставлена компетентным органам по запросу.

Conflict of Interest

None declared.

Review

All articles are peer-reviewed. But the reviewer or the author of the article chose not to publish a review of this article in the public domain. The review can be provided to the competent authorities upon request.

Список литературы / References

1. Бардадым В. Николай Канивецкий. Очерк жизни и творчества / В. Бардадым // Канивецкий Н. На вершок от счастья. — Краснодар: Советская Кубань, 1993. — С. 171–191.
2. Канивецкий Н. За варениками / Н. Канивецкий // Канивецкий Н. На вершок от счастья. — Краснодар: Советская Кубань, 1993. — С. 47–62.
3. Канивецкий Н. Контрабандный чай / Н. Канивецкий // Канивецкий Н. На вершок от счастья. — Краснодар: Советская Кубань, 1993. — С. 28–47.
4. Канивецкий Н. Лемешка / Н. Канивецкий // Канивецкий Н. На вершок от счастья. — Краснодар: Советская Кубань, 1993. — С. 81–94.
5. Канивецкий Н. На кладбище / Н. Канивецкий // Канивецкий Н. На вершок от счастья. — Краснодар: Советская Кубань, 1993. — С. 36–47.
6. Канивецкий Н. На кордоне / Н. Канивецкий // Канивецкий Н. На вершок от счастья. — Краснодар: Советская Кубань, 1993. — С. 11–17.
7. Канивецкий Н. По станичному приговору / Н. Канивецкий // Канивецкий Н. На вершок от счастья. — Краснодар: Советская Кубань, 1993. — С. 5–11.
8. Канивецкий Н. Под Рождество / Н. Канивецкий // Канивецкий Н. На вершок от счастья. — Краснодар: Советская Кубань, 1993. — С. 17–28.
9. Канивецкий Н.Н. Превосходный рассказчик. — URL: <https://www.kubanska.ru/kanivez.htm> (дата обращения: 16.12.2024).
10. Пять историй казачьего Чехова. — URL: <https://ptj.spb.ru/blog/pyat-istorij-kazachego-chexova/?ysclid=m2ohzihpou429842786> (дата обращения: 16.12.2024).
11. Раков А. Из воспоминаний об А.П. Чехове / А. Раков // Кубанские областные ведомости. — 1904. — 29 июля.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Bardadym V. Nikolaj Kaniveckij. Ocherk zhizni i tvorchestva [Nikolaj Kanivetsky. An essay on life and creativity] / V. Bardadym // Kaniveckij N. Na vershok ot schast'ja [Kanivetsky N. On the top of happiness]. — Krasnodar: Sovetskaya Kuban, 1993. — P. 171–191. [in Russian]
2. Kanivetsky N. Za varenikami [For dumplings] / N. Kanivetsky // Kaniveckij N. Na vershok ot schast'ja [Kanivetsky N. On the top of happiness]. — Krasnodar: Sovetskaya Kuban, 1993. — P. 47–62. [in Russian]
3. Kanivetsky N. Kontrabandnyj chaj [Contraband tea] / N. Kanivetsky // Kaniveckij N. Na vershok ot schast'ja [Kanivetsky N. On the top of happiness]. — Krasnodar: Sovetskaya Kuban, 1993. — P. 28–47. [in Russian]
4. Kanivetsky N. Lemishka [Lemishka] / N. Kanivetsky // Kaniveckij N. Na vershok ot schast'ja [Kanivetsky N. On the top of happiness]. — Krasnodar: Sovetskaya Kuban, 1993. — P. 81–94. [in Russian]
5. Kanivetsky N. Na kladbishhe [At the cemetery] / N. Kanivetsky // Kaniveckij N. Na vershok ot schast'ja [Kanivetsky N. On the top of happiness]. — Krasnodar: Sovetskaya Kuban, 1993. — P. 36–47. [in Russian]
6. Kanivetsky N. Na kordone [On the cordon] / N. Kanivetsky // Kaniveckij N. Na vershok ot schast'ja [Kanivetsky N. On the top of happiness]. — Krasnodar: Sovetskaya Kuban, 1993. — P. 11–17. [in Russian]
7. Kanivetsky N. Po stanichnomu prigovoru [According to the village's verdict] / N. Kanivetsky // Kaniveckij N. Na vershok ot schast'ja [Kanivetsky N. On the top of happiness]. — Krasnodar: Sovetskaya Kuban, 1993. — P. 5–11. [in Russian]
8. Kanivetsky N. Pod Rozhdestvo [Christmas] / N. Kanivetsky // Kaniveckij N. Na vershok ot schast'ja [Kanivetsky N. On the top of happiness]. — Krasnodar: Sovetskaya Kuban, 1993. — P. 17–28. [in Russian]
9. Kaniveckij N.N. Prevoshodnyj rasskazchik [Kanivetsky N.N. is an excellent storyteller]. — URL: <https://www.kubanska.ru/kanivez.htm> (accessed: 16.12.2024). [in Russian]
10. Pjat' istorij kazach'ego Chehova [Five stories of Cossack Chekhov]. — URL: <https://ptj.spb.ru/blog/pyat-istorij-kazachego-chexova/?ysclid=m2ohzihpou429842786> (accessed: 16.12.2024). [in Russian]
11. Rakov A. Iz vospominanij ob A.P. Chehove [From the memoirs of A.P. Chekhov] / A. Rakov // Kubanskiye oblastnyye vedomosti [Kuban regional Vedomosti]. — 1904. — July 29. [in Russian]